

МИФОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ: РАЦИОНАЛЬНАЯ ВИДИМОСТЬ И ИРРАЦИОНАЛЬНАЯ СУТЬ

О.Н. Стрельник

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье определяется место и роль мифа в современной политической реальности, проясняются некоторые механизмы современного политического и социокультурного мифотворчества. Автор анализирует взаимоотношения политической идеологии, политического мифа и архаической мифологии, реконструирует основные черты современного политического мифа. В статье рассматривается также вопрос об архетипе героя в качестве основы для построения публичных имиджей современных политических лидеров.

Ключевые слова: мифология, миф, коннотация, политическая идеология, имидж, рациональность, иррациональное.

Знаки и символы управляют миром,
а не слово и закон.

Конфуций

Миф вернулся. К такому выводу еще на рубеже XIX и XX столетий пришли философы, культурологи и психологи. Но в точном смысле миф никуда и не уходил. Он лишь менял облик, чтобы в XX в. стать одной из ключевых форм культуры.

В начале XX в. миф оживили литераторы. Крупнейшие писатели использовали мифологические сюжеты в своих произведениях. Сама литература уподобилась мифу: мифологические герои, замаскированные под «обычных» персонажей, циклическое время, игры с языком и коннотативные сдвиги смыслов, стирание границ между иллюзией и реальностью. «Улисс» Дж. Джойса, «Замок» Ф. Кафки, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова — яркие тому примеры. Почти одновременно интерес к мифу проявили антропологи, а вслед за ними семиологи и философы. XX в. представил более десятка концептуальных подходов к проблеме мифа и мифологического. Среди них: этнографический подход Л. Леви-Брюля и риту-

ально-мифологический Б. Малиновского и Дж. Фрейзера, символический Э. Кассирера и психоаналитический З. Фрейда и К.Г. Юнга, структуралистский К. Леви-Стросса и постструктуралистский Р. Барта и М. Фуко. В России огромную роль в анализе проблемы мифа сыграли В.Я. Пропп и О.М. Фрейденберг, М.М. Бахтин и А.Ф. Лосев. Возвращение архаических мифов и профессиональное мифотворчество в политике, искусстве, рекламе, сфере массовых коммуникаций превратили академическую проблему мифа в одну из самых актуальных тем.

Мифологические компоненты можно обнаружить в любой сфере культуры: в религии, что очевидно, в искусстве, особенно ориентированном на массового потребителя, в политике, и даже в науке (паранаучные и квазинаучные формы). Мифологическая «логика» работает и в сфере мышления, и сфере практического действия, причем независимо от того, осознается это или нет.

Современное мифологическое мышление выходит за пределы архаики. В культуре появились новые феномены, которые, с одной стороны, воспроизводят существенные характеристики архаического мифа, а с другой, ассимилируют последние достижения философии, науки, религии и искусства.

Такие особенности «новой мифологии» провоцируют идею о полном отождествлении современного массового сознания с мифом, что, по-видимому, неверно. На самом деле отношения здесь более сложные. Попробуем проанализировать особенности формирования «новой мифологии» в сфере современного политического сознания.

В современной политической идеологии мифологическое (казалось бы, давно вытесненное наукой и техникой) находит для себя лазейку — оно сосредоточивается на власти и становится ее стержнем. По утверждению французского социолога и философа С. Московичи, власть осуществляется через иррациональное, политика — это рациональная форма использования иррациональной сущности масс, любые методы пропаганды и внушения основываются на этом [12].

Манифестация мифологического в сфере политики имеет и еще одну частную причину: современные политики успешно и совершенно осознано эксплуатируют способность мифа выражать символическую причастность индивида к коллективу. Современные политические мифы представляют собой реакцию на то, что разум не оправдывает связанных с ним ожиданий. Они формируются, когда стремление к созданию целостного мировоззрения наталкивается на недостаток средств. В условиях неопределенности и неясности, при отсутствии общих целей и давлении взаимоисключающих требований политический миф действует как защитный механизм, препятствующий распаду социума. Следует отметить, что для достижения целей консолидации сообщества может использоваться любая символическая система, независимо от того, насколько она гуманна, демократична или прогрессивна.

Сама по себе символическая система, лежащая в основе политического мифа, не может быть ни «хорошей», ни «плохой», она есть просто реакция на динамику и противоречия современной культуры, однако последствия ее воздействия трудно предсказать.

Платой за объединение социума часто становятся многочисленные человеческие жертвы и войны. Так, национал-социалистический миф о 1000-летнем рей-

хе в итоге привел к опустошению Европы и стоил десятков миллионов человеческих жизней. Миф о дьявольской сущности города в Камбодже также спровоцировал истребление миллионов людей [14].

Отношения политической идеологии, которая наряду с деятельностью и институтами составляет сферу политики, и политического мифа весьма сложны. Тотальное отождествление этих форм культуры, как это делает, в частности, Р. Барт [1], на наш взгляд, неверно. Мифология (в данном случае мы понимаем под мифологией совокупность мифов, а не учение о мифе) — это система непосредственно неосознаваемых образов и символов, апеллирующих, прежде всего, к эмоциям и чувствам людей. Идеология, в отличие от мифологии — это осознаваемая и сознательно используемая система идей и ценностей, выражающих интересы отдельных классов и групп, т.е. прежде всего рациональная конструкция. Однако генетически идеология формируется на основе мифологии и несет на себе определенные характеристики мифа. Политический миф выступает связующим звеном между рациональной идеологической системой и архаической мифологией.

Наиболее сильны именно те идеологии, которые эксплуатируют иррациональные механизмы, глубинные символы и схемы коллективного бессознательного. Ключевые идеологемы могут заимствоваться из совершенно разных исторических эпох и культур, но если этот сюжет имеет глубинную архетипическую основу, он окажется чрезвычайно действенным и в современности. Иными словами, идеология — это, все же, «ложное сознание», она представляет собой один из результатов социокультурного мифотворчества, а следовательно, ее можно изучать по методологии, сходной с методологией исследования мифов.

Разрушить идеологию как рациональную конструкцию достаточно легко, однако ее мифологические корни продолжают существовать многие сотни лет. Мифологическая основа более фундаментальна, чем идеологическая надстройка. Аргументом в пользу этого тезиса является длительное существование мифов «внутри» новых и, казалось бы, чуждых ему идеологических доктрин. Так, языческий миф продолжает существовать в христианской культуре, приспосабливается и даже срастается с ней. Древний миф «о золотом веке» лежит в основе коммунистической идеологии, которая, провозглашая тотальную рационализацию всех сфер человеческой жизни, в своей основе остается иррациональной.

Идеология связана с мифологией не только содержательно. Привлекательность той или иной идеи напрямую зависит от того, насколько мифологична форма, в которой эта идея преподносится. Идеологическая доктрина, чтобы быть воспринятой, должна принять образную форму, что облегчает восприятие ее массовым сознанием.

Механизм идеологического воздействия также аналогичен механизму воздействия мифа. Конечная цель любой идеологии — подталкивать к определенным действиям, а не просвещать, объяснять или познавать.

«Реальность», создаваемая мифом, очень схожа с «реальностью» политической. Например, в архаической мифологии универсальна схема, в которой герой попадает в кризисную ситуацию, грозящую организованному космосу деструкцией и превращением в хаос. Перед героем стоит задача спасти порядок от разрушения и небытия. Решение этой задачи миф описывает как поединок добра и зла.

Такая мифологическая схема является привычным сценарием и для политики. Технологически создание политического имиджа — это создание массового стереотипа, основное требование к которому — быть легко воспринимаемым. Легкость восприятия достигается соответствием имиджа, во-первых, сиюминутным ожиданиям публики, во-вторых, бессознательным архетипам, глубинным мифологическим символам. Важнейшая характеристика имиджа — его адекватность сиюминутной ситуации. Содержательно имидж создается в зависимости от конкретной социально-политической ситуации, собственных целей и сиюминутных массовых ожиданий. При построении имиджа учитываются традиционно сложившиеся в культуре, укорененные в языке и ментальности представления о национальном герое, на основе которых складываются представления о герое политическом.

Миф о герое, побеждающем хаос, является наиболее эксплуатируемым в современной политике именно потому, что он самый действенный. Образ героя — один из древнейших, который переходит из одной эпохи в другую, наполняясь новым содержанием. Наиболее адекватным для политического лидера является миф о герое-победителе. Герой появляется в кризисной ситуации для разрешения неразрешимых противоречий, у него нет реального прошлого, его предшествующая жизнь покрыта мраком, а место личной истории занимает ее мифологический вариант. В русской мифологии нет такого персонажа, который установил бы свое безусловное право быть национальным героем. Как утверждает исследователь М. Кольев, тоска по национальному сверхчеловеку на века стала лейтмотивом подсознательной жизни народа, выразившись и в княжеских междоусобицах XI—XIII в., и в обожествлении великого князя в XV—XVII в., а позднее в таких формах, как пассивное ожидание мессианского «добротого царя» [5].

Одна из ассоциаций массового сознания — отождествление образа героя с образом царя, который должен олицетворять единство нации, но зачастую противостоит ей (варяги у власти), порождает как конфликты в массовом политическом сознании, так и проблемы самоидентификации российской власти.

Процедура создания образа героя политиком для легитимизации собственного права на власть не является изобретением XX в.

Еще Н. Макиавелли указывал на важность правильного имиджа для государя [9]. Из истории известно, что многие политики (Александр Македонский, Наполеон, Д. Вашингтон и др.) заботились о создании благоприятного имиджа и в глазах современников, и, что важнее, в глазах потомков. Величайшие тираны XX в. — Сталин и Гитлер — были одновременно и талантливыми мифотворцами.

Существуют документальные свидетельства, что Гитлер специально продумывал миф о себе. Он путешествовал в Париж с единственной целью — изучить памятник Наполеону. Памятник ему не понравился, т.к. стоял в углублении, а публика смотрела на него сверху вниз. Гитлер заявил, что никогда не совершит подобной ошибки, публика должна всегда взирать на фюрера снизу вверх.

Фюрер стал символом нации, признаком определенной системы ценностей, не имеющей ничего общего ни с личностными чертами конкретного человека, ни с деталями его биографии. Политический миф о Гитлере, создаваемый его со-

ратником Геббельсом, не ограничивался одним лишь героическими красками; Гитлер предстал то художником, то архитектором, то рабочим, то солдатом. По той же модели строился имидж — миф Сталина: Сталин — друг детей, отец народов, великий теоретик-языковед, великий философ и т.п. Кроме того, в образах советских вождей важной была черта аскетизма, характерная для христианской традиции (Ленин в шалаше).

Итак, между архаической мифологией и современной политической идеологией существует явно читаемое родство. В качестве иллюстрации приведем пример, указывающий на родство коммунистической идеологии с христианством и более ранними мифологическими системами. Содержание той или иной идеологической доктрины, как уже говорилось, строится на сюжетах, заимствованных из древней мифологии, политика усматривает и подхватывает те модели, образы и символы, которые отвечают современным потребностям.

Так, в основе коммунистической идеологии лежит архаическая схема — архетипическое видение рая или «золотого века», где всего в изобилии, управление справедливо, а люди счастливы и совершенны.

Этот мотив прослеживается и в христианстве, и в коммунистической идеологии — там есть свои пророки, которые ведут борьбу со вселенским злом, обращение к униженным и угнетенным, обещания избавления либо в потустороннем мире, либо в коммунистическом завтра, которое никогда не становится настоящим.

И в христианстве, и в коммунизме мир разделен на добрых и злых, праведников и грешников, эксплуатируемых и эксплуататоров, пролетариат и буржуазию. Пролетариат (избранные) становится мессией — спасителем. Способность к освобождению или спасению дается верой, в случае с коммунистической идеологией — верой в прогресс.

Стоит добавить, что «Манифест коммунистической партии» — ключевой идеологический текст коммунистов — и по форме (беспорные, несомненные для человека того времени образы), и по содержанию (генезис и столкновение противоборствующих сил добра и зла) представляет собой мифологический текст, в котором смыслы передаются не только и не столько с помощью рациональных понятий, сколько через насыщенные эмоциями символы. «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака... Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана»... Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им веками, освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устаревшими, прежде чем успевают окостенеть... Современное буржуазное общество с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в со-

стоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями... Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, пролетариев» [11].

Стоит добавить, что советские ритуалы вступления в комсомол или посвящения в пионеры напоминают архаические обряды крещения в христианстве или обряды инициации в первобытных обществах, а Красная площадь в Москве выступала идеальным местом для символических представлений, которые были необходимы для поддержания мифа.

Параллели между христианским и коммунистическим мифом можно продолжить. Они указывают, что разрушить «мир» до основания, а затем построить «новый мир» никогда не удастся. В основе «новой» идеологии лежат образы, символы и схемы «старой» мифологии. Во всех обществах, даже развитых, в сфере власти прошлое довлеет над настоящим, а архаические традиции сплетаются с живой современностью.

Но между современными политическими и архаическими мифами есть различия.

Современный миф формируется на базе архаической мифологии, заимствуя ее схемы и понятия, но по способу возникновения, характеру функционирования и той роли, которую он играет в культуре, современный миф отличен от архаического. Современный миф вторичен, в том смысле, что он образуется как деформация определенных культурных смыслов, а не является «первомыслями человечества», как говорит Э. Кассирер о мифе древнем [4]. Кроме того, современный миф искусственен, он конструируется по большей части сознательно, а не возникает спонтанно, как результат первичного осмысления мира.

Механизмы фабрикации современных мифов анализирует Р. Барт в работе «Мифологии» [1]. Прояснение механизмов современного мифотворчества одновременно проясняет соотношение современного и архаического мифа и показывает различия между ними.

Современный миф, так же как и архаический, порождается образным типом сознания, однако в отличие от первобытной мифологии он не оформляется в виде связанного повествования. Он дискретен, представляет собой набор стереотипов массового сознания, высказывается в виде «дискурсов», это не более чем набор фраз.

Если архаический миф представлял собой разработку фундаментальных оппозиций культуры, являлся моделью для разрешения противоречий, и в силу этого требовал связанного построения, то современный миф служит не изживанию противоречия, а его оправданию и маскировке.

Современный миф ничего не объясняет, однако его констатирующие формулировки создают иллюзию ясности. Но эта ясность обманчива, современный миф не идет дальше непосредственной видимости.

Истоки мифотворческой способности следует искать в природе человеческой психики, в ее архаических пластах, которые не только сохраняются в скрытой форме, но и активно влияют на повседневную жизнедеятельность современного

человека. Мифотворческая способность укоренена в бессознательных, глубинных способах и формах освоения действительности. Спонтанное мифотворчество можно объяснить как процесс трансформации архетипов в образы, как проявление архетипа в конкретном материале. По мере того как архетипы наполняются индивидуальным содержанием и становятся все более отчетливыми, они сопровождаются сильными эмоциями, причем увлеченный человек часто не может объяснить, что именно вызвало столь сильное переживание.

Помимо спонтанного воспроизведения мифа в массовом сознании существует и сознательное мифотворчество, конструирование и использование мифологических образов и символов художниками, религиозными деятелями, политиками. Новые политические мифы, по утверждению Э. Кассирера, искусственно фабрикуются так же, как любое современное оружие [3].

Решая задачу методического определения и демистификации современного мифа, Р. Барт рассматривает один из возможных механизмов его конструирования на базе естественного языка. Предложенная им схема адекватна для объяснения возможных способов конструирования мифа, особенно политического, в современной культуре [1]. Если следовать идеям Р. Барта, то смысл мифотворчества заключается в превращении знаков в пустые формы, содержание которых выхолщивается путем деформации первоначальных, рациональных смыслов и неявным образом подменяется иными, эмоционально-насыщенными, суггестивными смыслами.

Миф — это слово, утверждает Р. Барт, главное в мифологическом сообщении — его форма, а не содержание. Миф — это особый язык, основной для которого выступает естественный язык. Такие неустранимые свойства естественного языка, как выразительность, образность, неточность или многозначность располагают к тому, чтобы он превратился в миф.

Носителем мифического сообщения могут стать не только слова естественного языка, но и другие знаковые системы: фотография, кино, реклама и т.п., причем даже в большей степени, чем знаки естественного языка, поскольку они еще более образны и еще менее точны.

Р. Барт в унисон с представителем другой философской традиции К.Г. Юнгом утверждает: слово и изображение символичны, они имеют более широкий бессознательный контекст, который никогда точно не определен и объяснить его невозможно [18].

В концепции Р. Барта миф одновременно несет в себе черты искусства, идеологии, религии, науки и других культурных форм. Он эстетически полон как объект искусства, интеллектуально ясен как политическая идеологема и эмоционально несомненен как религиозное переживание. Миф у Р. Барта тотален и неизбежен, а вся современная культура мифологична.

Однако, превращая миф в тотальность, отождествляя его со всей массовой культурой, Р. Барт тем самым растворяет собственное существо мифа в других культурных формах, и в результате утрачивает предмет своего теоретизирования. При всей концептуальной новизне этой концепции современный миф трактуется

слишком широко, совпадая с любыми смысловыми деформациями естественного языка. Но вряд ли правомерно называть мифом любую игру смыслов, любое оперирование неясными и эмоционально насыщенными образами [14].

Наше время — эпоха сознательного творения кумиров, они создаются для того, чтобы кодировать и программировать общественное сознание. Значительную часть его составляют стандартно-коллективные формы мышления. Поэтому существенное место стало занимать само «производство» таких кумиров, специальный труд по созданию образцов и шаблонов. Сознательное мифотворчество тем более успешно, чем полнее учитывает особенности спонтанного мифотворчества, чем точнее рукотворные образы отражают символы, укоренные в коллективном бессознательном, в мифологии и культуре данного народа. Определяя особенности массовой коммуникации, К.Г. Юнг пишет, что эмоция имеет суггестивный характер, находясь в толпе, человек поддается общим эмоциям [21]. Толпа хочет быть обманутой, говорили еще древние философы, а следовательно, всегда найдутся люди, которые будут обманываться.

Итак, в современной культуре миф перестал быть лишь спонтанной бессознательной активностью, свободной игрой воображения. Современный миф — это, с одной стороны, обузданный миф, который создается по прихоти мифотворца, а с другой стороны, это миф, возведенный на пьедестал.

Сконструированный и вторичный, современный миф тем не менее почти всемогущ. Под его властью оказываются не только ничего не подозревающие граждане у своих телевизоров или радиоприемников, но и сами мифотворцы. В завершении стоит вспомнить идею Э. Кассирера, который заявил, что современный миф — химера, рожденная скрещиванием традиционных элементов мифа с феноменом техники и государственной власти. Единственный способ побороть это чудовище — увидеть его глазами, незамутненными страхом и пропагандой, узнать его повадки [3]. Вопрос в том, возможен ли у современного человека такой взгляд?

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Барт Р.* Мифологии. — М.: Издательство имени Сабашниковых, 2000.
- [2] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986.
- [3] *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 1990. — № 2.
- [4] *Кассирер Э.* Философия символических форм. В 3 т. — М., СПб.: Университетская книга, 2002.
- [5] *Кольев М.* Миф масс и магия вождей. — М.: Национальный институт развития, 2000.
- [6] *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М.: Педагогика-Пресс, 1999.
- [7] *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. — М.: Эксмо, 2001.
- [8] *Лосев А.Ф.* Античная мифология. — М.: Эксмо, 2005.
- [9] *Макиавелли Н.* Государь. — М.: АСТ, 2011.
- [10] *Малиновский Б.* Научная теория культуры. — М.: ОГИ, 2005.
- [11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Принципы коммунизма. Манифест Коммунистической партии. — М.: ИТРК, 2007.
- [12] *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — М.: Академический проект, 2011.

- [13] *Пропп В.* Исторические корни волшебной сказки. — М.: Лабиринт, 1998.
- [14] *Стрельник О.Н.* Деформация языка и мифологизация сознания в культуре постмодерна // Вестник РУДН. Серия «Философия». — 2006. — № 2. — С. 63—72.
- [15] *Стрельник О.Н.* Политическая идеология и мифология: конфликты на почве родства // Вестник РУДН. Серия «Философия». — 2003. — № 1. — С. 5—15.
- [16] *Фрейдберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. — М.: Лабиринт, 1997.
- [17] *Фрезер Дж.* Золотая ветвь. — М.: Политическая литература, 1983.
- [18] *Фрейд З.* Тотем и табу. — М.: Азбука классика, 2005.
- [19] *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. — М.: Ренессанс, 1996.
- [20] *Юнг К.Г.* Архетип и символ. — М.: Ренессанс, 1991.
- [21] *Юнг К.Г.* Бог и бессознательное. — М.: Олимп, 1998.
- [22] *Юнг К.Г.* Психологические типы. — М.: Прогресс-Универс, 1995.

THE POLITICAL MYTH: RATIONAL VISIBILITY AND AN IRRATIONAL ESSENCE

O.N. Strelnik

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

In the article are found out a place and a role of a political myth in a modern political reality. The author analyzes mutual relations of political ideology, a political myth and archaic mythology, reconstructs the basic lines of a modern political myth. In the conclusion the question of an archetype of the hero as a basis for construction modern political leaders public images is considered.

Key words: mythology, a myth, a connotation, political ideology, image, rationality, irrational.